

УДК 316.75

«КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КАРКАС» ИДЕОЛОГИИ БУДУЩЕГО В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

А. Я. САРНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предпринимается попытка выявить и провести сравнительный анализ ключевых идеологических концепций современности с позиции их значимости для развития западной социальной теории, прежде всего философии и социологии техники. На материале футурологии и прогностики показаны особенности ведущих концепций, объединенных общим «концептуальным каркасом» представлений о будущем развитии общества на основе технического прогресса, которые можно сгруппировать в три направления: ретрофутуризм, акселерационизм и техномистицизм. В такой перспективе ретрофутуризм представляет собой взгляд из прошлого в будущее, ставшее актуальным настоящим, акселерационизм ориентирован на прорыв из настоящего в будущее, а техномистицизм пытается представить будущее как новую версию прошлого.

Ключевые слова: социальная теория; идеология; моделирование будущего; ретрофутуризм; акселерационизм; техномистицизм.

«CONCEPTUAL FRAMEWORK» OF IDEOLOGY OF THE FUTURE IN FOREIGN SOCIAL THEORY

A. J. SARNA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article attempts to identify and comparatively analyze the key ideological concepts of our time from the standpoint of their significance for the development of Western social theory, primarily the philosophy and sociology of technology. The

---

Образец цитирования:

Сарна АЯ. «Концептуальный каркас» идеологии будущего в зарубежной социальной теории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:44–52.

For citation:

Sarna AJ. «Conceptual framework» of ideology of the future in foreign social theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:44–52. Russian.

Автор:

Александр Янисович Сарна – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Aliaksandr J. Sarna, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
alsar.05@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5701-7573>

material of futurology and forecasting shows the features of leading concepts, united by a common «conceptual framework» of ideas about the future development of society based on technological progress, which can be grouped into three areas which are retro-futurism, accelerationism and techno-mysticism. In such a perspective, retrofuturism is a look from the past to the future that has become relevant to the present, accelerationism is focused on a breakthrough from the present to the future, and techno-mysticism is trying to present the future as a new version of the past.

Keywords: social theory; ideology; modeling of the future; retro-futurism; accelerationism; techno-mysticism.

С точки зрения современной социальной теории социокультурное символическое пространство, его политические и идеологические структуры организованы вокруг базовых семантических единиц, в роли которых выступают концепты (имена, понятия, образы), используемые как минимальные структурные элементы для формирования более крупных смысловых конструкций (текстов и нарративов). Они задействуются в конкретном социально-культурном контексте, что позволяет также опознать в них своеобразные маркеры или кодификаторы различных дискурсов, определяющих специфику функционирования тех или иных языковых средств и использование различных коммуникативных ходов в зависимости от общественно-политической ситуации. Ключевые понятия и категории лежат в основе деятельности любого политического и социального института как некоторое ограниченное количество номинаций, исторически сложившихся, оформившихся и закрепившихся в качестве смысловых универсалий: *власть, закон, справедливость, свобода, равенство, независимость* и др. Они обеспечивают единство базовых мировоззренческих представлений всех членов данного сообщества, помогают им выразить себя, достичь взаимопонимания с другими, понять и объяснить окружающий мир, найти свое место в нем. Вместе с тем прийти к общей и однозначной трактовке данных концептов достаточно сложно, поскольку они обладают большой генеративной силой, позволяющей им сконцентрировать вокруг себя обширную смысловую область, для описания которой необходимо составить достаточно объемный словарь [1].

Составление такого рода словаря является весьма важной задачей, поскольку во многом именно от его удачной разработки и соответствующего использования зависят надежность и гибкость общественных взаимосвязей, согласованность и эффективность функционирования социальной системы, возможность ее дальнейшего развития и совершенствования. При этом возникают значительные трудности, поскольку каждый из базовых концептов обладает сложной семантической структурой. Так, Ю. Степанов, отождествляя концепт с понятием в логическом смысле, выделяет «три компонента, или три «слоя», концепта: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осоз-

наваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [2, с. 47]. Он отмечает, что «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры. В основном признаке, в актуальном, «активном» слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения. <...> В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. <...> При этом во всех таких случаях актуализируются «исторические», «пассивные» признаки концепта главным образом при общении людей внутри данной социальной группы, при общении их между собой, а не вовне, с другими группами. Внутренняя форма, или этимологический признак, или этимология, открывается лишь исследователям и исследователями. Но это не значит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концепта вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений» [2, с. 48].

В силу того, что многомерная и полисемантическая структура концепта ориентирована на разные социальные слои и группы, которые рассматривают и интерпретируют его под разными углами зрения и в различных ракурсах, он всегда будет провоцировать столь же отличающиеся друг от друга, иногда откровенно противоречивые версии его восприятия, понимания и употребления. Вследствие этого каждый концепт обладает целым «шлейфом» сопутствующих истолкований и интерпретаций, казалось бы, совершенно избыточных, но исторически обусловленных и социально закрепленных. Можно выделить несколько предметных областей в соответствии с тем, какие способы объективации концепта предлагаются и применяются в социальной практике. В результате необходимо привлечь еще ряд понятий, соотносимых с концептом и используемых в различных социальных сферах при реализации общественно-политических проектов. Прежде всего в своем статусе универсализированного понятия концепт может применяться в речи политиков как номинативная единица политического дискурса для легитимации представлений о сложившемся социальном порядке и для обоснования политических действий. При этом он может быть соотнесен с *перцептом*, т. е. со зрительным образом, который представлен в качестве определенного знака и используется для визуализации кон-

цепта с целью его прояснить, закрепить и включить в систему средств массовых коммуникаций. Будучи использованным в качестве центрального элемента в структуре визуального сообщения, растиражированным и распространенным посредством СМИ, перцепт может быть гораздо легче усвоен массовой аудиторией и использован для формирования общественного мнения.

На этом уровне функционирования концепт может быть представлен уже как *конструкт* – стереотипное, клишированное представление о концепте в массовом сознании, сложившееся на основе уже имеющихся ассоциаций и интерпретаций. Если же рассматривать концепт как базовую единицу комплекса идей, на основе которых выстраивается ценностно-мотивационная система представлений, служащих основой для целеполагания и выбора методов политической деятельности, то в этом ракурсе можно говорить уже об использовании его как *идеологемы*. Таким образом, в качестве инструмента социальной регуляции и конструирования коллективных представлений концепт может быть задействован в сфере политики, он может послужить основой для закрепления соответствующего образа-перцепта в качестве конструкта массового сознания, а также использоваться для создания доминантной идеологемы в рамках какой-либо идеологической доктрины. Именно в рамках последней постоянно предпринимаются усилия для того, чтобы остановить процесс бесконечных интерпретаций, связанных с коннотациями того или иного концепта, вследствие чего и предлагаются попытки разработать словарь, в котором бы отображалось и фиксировалось конечное число значений данного понятия.

Для этого практика использования базовых конструктов и идеологем ограничивается рамками некоторого предустановленного «концептуального каркаса». Он указывает на зависимость форм презентации знаний, применяемых представителями различных социальных групп и сообществ, от совокупности *концептов и понятий*, посредством которых эти знания выражены в языке, используемом данными речевыми коллективами. Роль языка становится очень важной, поскольку, осмысливая результаты своего взаимодействия с окружающим миром, человек использует определенные лингвистические средства для фиксации различных свойств и сторон тех объектов, которые находятся в зоне его внимания. Выбор каких-то конкретных средств языка задает характер и направленность *описаний и объяснений*, посредством которых строится знание о мире. Любой язык так или иначе системно организован, за счет чего в рамках одного или нескольких схожих «концептуальных каркасов» можно обнаружить некоторые исходные понятия и связанные с ними концепты, определяющие способ *понимания* особенностей тех объектов, с ко-

торыми субъекты взаимодействуют в процессе своей жизнедеятельности, а также способы подобного взаимодействия [3].

Зачастую манипуляции с языком как инструментом описания и понимания реальности становятся основой для конструирования социальных утопий, которые ставят своей целью монополизировать право на истину и тем самым выиграть борьбу за единственно правильную и политически корректную интерпретацию концептов, легитимирующую их дальнейшее использование в самых разных типах социальных практик. Включаясь в систему образов и понятий, используемых для пропаганды тех или иных идей, концепт как «воображаемое социальное значение» (К. Касториadis) начинает функционировать на уровне конструирования символического пространства социума, становится материалом формирования коллективных представлений и идеологических доктрин. В таком случае «концепт является составной частью мифа, поэтому, если мы желаем заняться расшифровкой мифов, нам надо научиться давать названия концептам» [4, с. 85], рассматривая их как связующее звено между политикой, идеологией и мифотворчеством.

Рассмотрим особенности такого рода взаимосвязи на материале современной западной социальной теории, в которой концептуальной основой представлений о возможном развитии общества является критическое переосмысление роли научно-технической революции (НТР) и научно-технического прогресса (НТП) в целом. Понятия НТР и НТП переосмысливаются как идеологические конструкты, которые базируются на доминанте технократического разума, т. е. дискурсивных практик, формирующих мировоззренческие приоритеты и ориентиры при выборе сценариев социального развития. Инженерно-техническая модель прогресса выступает в роли идеологической утопии, которая в современных условиях замещает архаичский миф о золотом веке в прошлом, перенося его в отдаленное, но вполне достижимое (по мнению его адептов) будущее. Альтернативой понимания технологии как идеологии являются сценарии катастрофического развития событий в случае исключения гуманитарного фактора из рассматриваемой перспективы.

Однако, как нам представляется, многообразие возможных вариантов развития человечества не может сводиться только к двум полярным точкам зрения: позитивной и негативной. Чтобы выявить реальную сложность возможностей концептуализации и сравнительного анализа моделей будущего, необходимо сопоставить модальности восприятия таких категорий, как *сущее и должное, возможное и невозможное, идеальное и реальное* с тремя ключевыми модусами темпоральности, представленными в классической триаде *прошлое – настоящее – буду-*

щеге. Тогда возникают три возможных варианта – три версии будущего – в рамках современной идеологии техники: ретрофутуризм, представляющий взгляд из прошлого в будущее, ставшее актуальным настоящим; акселерационизм, ориентированный на прорыв из настоящего в будущее; техномистицизм, в котором будущее предстает как новая версия прошлого. Рассмотрим их более подробно.

Ретрофутуризм можно обозначить как совокупность представлений о будущем развитии человеческой цивилизации, выразившихся в возможности создания различных концепций, гипотез и научных исследований на основе знаний и достижений, которые считаются актуальными, достоверными и действенными для осмысления грядущего на момент их реализации, но воспринимаются как архаичные в ретроспективной оценке. Подобные попытки создания образов будущего предпринимались постоянно, начиная с религиозной эсхатологии (учения о конце света) в восточных (индуизм, буддизм, джайнизм, иудаизм, ислам) и западных (христианство) традициях, домарксистской философии истории с ее концепциями прогресса, регресса и циклического развития общества, а также социальных утопий от Платона и Лао Цзы до А. Сен-Симона, Ж.-Б. Фурье и Р. Оуэна. Марксистская идеология претендовала на научное обоснование своих социально-экономических идей, но также разделила участь утопических проектов, воплотившихся в виде научного коммунизма и диалектического материализма.

С появлением во второй половине XIX в. ранней футурологии возникает жанр размышлений о будущем, представленный работами Г. Уэллса, К. Циолковского, Ф. Джиббса, Э. Говарда, Дж. Голдейна, А. Лоу и др. В них образ будущего развития человечества складывается не на основе мировоззренческих спекуляций или абстрактных размышлений, предсказаний и пророчеств, но становится предметом научного исследования, которое направлено на изучение не прошлого или наблюдаемых в данный момент явлений и процессов, а их перспектив. Такой подход особенно характерен для В. А. Базарова-Руднева, Дж. Бернала, Н. Винера и Р. Юнгка, с именами которых связывают появление научной прогностики – проведения исследований для получения знаний о вероятном/возможном состоянии общества или его различных сфер в будущем [5].

С середины 1950-х гг. американские ученые из *RAND Corporation* и других исследовательских центров США выявляют основные тренды и перспективы ожидаемого состояния социума в Америке и во всем мире на основе технологии научного прогнозирования. Она включает в себя экстраполяцию в будущее тенденций, закономерности развития которых уже хорошо известны, в прогнозные сце-

нарии, позволяющие формулировать и сравнивать друг с другом вероятностные или желательные перспективы изменений, а также коллективный опрос экспертов в разных сферах с дальнейшим обобщением их мнений и оценок. Французские исследователи во главе с Б. де Жувенелем и Ж. Фурастье смогли показать неизбежное возникновение эффекта Эдипа как самореализации или нейтрализации прогноза по мере его осуществления, что делает бессмысленными попытки предсказаний и требует проблемно-целевого подхода для оценки возможных последствий намеченных решений и повышения их эффективности. К примеру, концепция трансформации общества в рамках НТР в основном строится на научно-технических достижениях в сфере информационно-коммуникационных технологий, где, по мнению американского исследователя киберкультуры М. Дери, процессы ускоренного развития информационной среды и виртуализации социальных практик в интернете приближаются к рубежу второй космической скорости, которая нужна уже не только для отрыва от земной поверхности, но и для ухода в открытый космос. Это и есть «скорость убегания», преодоления гравитационной силы традиционной культуры и социальных ритуалов, притяжение которых ослабевает с каждым годом по мере перехода к новым форматам цифровой культуры и киберпространства.

М. Дери считает, что свое головокружительное ускорение послевоенная культура получила с появлением и распространением компьютера, который сыграл роль «информационного двигателя», перенесшего человечество из эры фабричного капитализма в постиндустриальную эру транснациональных корпораций. Орудия промышленного производства уступили место информационной экономике и креативным индустриям, выпускающим продукцию на основе краткосрочного спроса (голливудские блокбастеры, телепрограммы, хай-тек-тематические парки, быстротечные мегатренды и финансовые транзакции). Такого рода инновации стимулировали появление и развитие новой технокультуры, сумевшей освободиться от инерции традиций и перейти от эры пара и дизеля к космической эпохе. Но эта революция стимулирует движение не только в космическое пространство, но и внутрь, на уровень нанотехнологий и микромира – от незыблемой эпохи харда к призрачной эре софта, где микросхемы слишком миниатюрны, а коды слишком сложны, чтобы это осознать, хотя именно они все больше берут под свой контроль мир, прежде принадлежавший человеку. В итоге, по мнению М. Дери, подобный кибероптимизм вполне оправдан в случае оценки нарастания сложности в развитии киберпространства, однако он не срабатывает для выяснения перспектив общественных отношений вне техносферы [6].

После появления получивших всемирную известность работ Ф. Полака, Дж. Макгейла, О. Флехтгейма, И. Галтунга, Г. Кана, Д. Белла, А. Тоффлера, Д. Медоуза, Дж. Найсбита сформировались целые отрасли современной футурологии, которые берут за основу идею НТР в постиндустриальную эпоху и работают с инструментами научного прогноза, что позволяет сделать шаг от глобального прогнозирования к выстраиванию сценариев альтернативного развития нашей цивилизации [7]. К сожалению, большинство таких сценариев не учитывает эффект Эдипа и в той или иной степени попадает в ловушку собственных представлений о будущем, сформированных на основе прошлого опыта. Тщетные попытки конкретизировать изображения предстоящих перемен и предстоящих событий, нарисовать четкий образ будущего неизбежно приводят к созданию очередной утопии или антиутопии, поскольку картина грядущего постоянно складывается из элементов прошлого и настоящего, подкрашенных фантазией ее создателя [8]. Так возникают яркие футуристические образы в винтажной рекламе и кино, научной фантастике и художественной литературе, которые постфактум свидетельствуют в большей степени о своем времени, чем о возможностях предсказания будущего, что с позиций свершившегося настоящего воспринимается лишь как ностальгические воспоминания о прошлом.

Вероятно, сама проблема возможности и правомерности концептуализации глобальных грядущих изменений связана с затруднением в различении концепта и перцепта времени, где логические рассуждения и прогностические модели сливаются с идеологическими конструктами и утопическими фантазиями. «Фантазм “настоящего будущего” преследует радикальную мысль на протяжении как минимум двухсот лет, и всякий раз оказывается, что будущее, на которое возлагались надежды, было заражено и подпорчено прошлым, – и всякий раз нам предлагают новое будущее со стопроцентной гарантией темпоральной чистоты, с абсолютной непорочностью и устойчивостью к соблазнам. Но всегда выходит, что “так поступают все будущие”: новое будущее, как и его предшественник, вступает – ладно бы в кровосмесительный союз – в скучный законный брак с прошлым, коллапсирует в повторение одного и того же, уже давно бывшего и вот уже у входа толпятся новые претенденты на роль “настоящего будущего”, которое не обманет... Будущее постоянно проигрывает прошлому и коллапсирует в него не потому, что не было “настоящим”, а потому, что любое будущее всегда уже заражено прошлым, предотвращение же подобного коллапса требует поддержки инстанции, внешней по отношению ко времени как таковому. Собственными силами будущее справиться не может» [9, с. 143–144].

Поиски этой внешней вневременной инстанции осуществляются в другой идеологической концепции, выстраиваемой вокруг устремления к будущему – акселерационизме. Это одна из наиболее влиятельных современных идеологий левого толка, оформившаяся вокруг высказанной К. Марксом в «Капитале» идеи о неизбежном революционном итоге развития капиталистической формации во главе с буржуазией как результате постоянного усовершенствования орудий производства и, как следствие, производственных и общественных отношений в целом. Развивая это мнение, британские философы А. Уильямс и Н. Шрничек в опубликованном летом 2013 г. труде «Манифест акселерационистской политики» провозгласили необходимость ускоренного технологического и политико-экономического развития на основе научно-технического прогресса, что приведет, по их мнению, к коренной трансформации всего уклада капитализма и выходу за его пределы [10]. Философ-постмарксист А. Аванесян подчеркивает, что в основе любой акселерационистской мысли лежит требование противопоставить внутренним противоречиям капитализма их же обострение: интенсификация кризисных феноменов в современном неолиберализме по модели двойной негации могла бы привести к их снятию и даже социальному взрыву [11]. В таком случае ориентированная на будущее политика ускорения, как утверждают авторы манифеста, делает возможными поистине прогрессивные мысль и действие, открывая новый взгляд на развитие социально-политических систем.

В свою очередь, возражения против упомянутых идей гласили, что, во-первых, там, где манифест предъявляет конкретные требования (формирование интеллектуальной инфраструктуры, радикальная реформа медиа и т. д.), он отходит от предпосылок акселерационизма и становится ближе к модели гегемонии А. Грамши; во-вторых, под вопросом остается реальная возможность победить капитализм его собственным оружием в виде нарастающей динамики и ускорения. Также возникают сомнения в силе воздействия и содержании политики акселерационизма, поскольку считается, что власть капитала никоим образом не зависит от стабильности [11]. При этом в качестве отправного тезиса авторами «Манифеста акселерационистской политики» констатируется необратимое наступление гегемонии нематериального труда. Поэтому дальнейшие рассуждения можно свести к тому, полагает А. Негри, что двигателем революции и источником собственного освобождения может выступить только класс, занимающийся умственным трудом, т. е. креативный класс, и лишь он способен освободить технологии и производительные силы от гнета капитала. Для этого требуется перераспределение информатизированного основного ка-

питала и освоение субъектами труда самых передовых технологий, используемых капитализмом в контексте развития информационно-коммуникационных технологий [12].

По мнению акселерационистов, государство и корпорации XXI в. располагают средствами, позволяющими осуществлять символическое принуждение, не обращаясь к прямому насилию, но контролируя язык, восприятие, воображение и разум. Противостоять политике информационной эксплуатации возможно через использование нового языка и тренированного сознания интеллектуалов и креативного класса, способного преодолеть отчуждение от продуктов своего творчества, которое ему навязывают господствующие технократы. Художники и гражданские активисты должны воспитывать и защищать публичную сферу и публичный дискурс так же, как богатство и разнообразие способов культурного самовыражения. Ведь рост могущественных медиаолигополий приводит к однообразию и коммерциализации контента, а информационный госконтроль и отказ признать электронные сети ареной выражения общественного мнения создает угрозу для широкого культурного участия, художественного эксперимента и творчества. Защита наследия будущего должна опираться на соответствующие технические, законодательные, научные и финансовые меры.

Для обеспечения общественных потребностей в высококачественной, содержательной и доступной информации креативный класс интеллектуалов обрабатывает информацию, касающуюся развития и возможных действий в инфосфере, выявляет индоктринацию и пропаганду, защищая гражданское право на свободу выбора, мнения и самовыражения, на коммуникацию и неприкосновенность частной жизни. Тесное взаимодействие и сотрудничество между активистами, художниками и учеными, по мнению сторонников «Манифеста акселерационистской политики», может обеспечить экспериментальное поле разнообразной электронной культуры, предусматривая расширение некоммерческих, общественно значимых электронных сетей и цифровых культурных узлов, тем самым стимулируя развитие публичного пространства в целом.

Однако идеализировать протестный или хотя бы критический потенциал креативного класса не стоит, поскольку он уже успел превратиться в прекариат, готовый встраиваться в сложившуюся систему, но не менять ее. Об этом предупреждает голландский теоретик медиаискусства П. Гилен, анализирующий современные тенденции и особенности художественных практик на мировой арт-сцене, оформившейся за последние 20 лет под влиянием новейших информационно-коммуника-

ционных технологий, цифровой культуры и электронных социальных сетей. Следуя идеям Х. Энциенсбергера и П. Вирно, Л. Болтански и Э. Кьяпелло, П. Гилен указывает на то, что в нынешнем мире горизонтальных и по большей части внеинституциональных связей современному искусству отведена особая роль. В условиях постфордистской глобализации культуры, искусства и политики оно сформировалось в парадигме неолиберализма и готово обслуживать его всепроникающую криптоидеологию, преподносимую как единственный реалистичный выбор для людей творческих профессий.

П. Гилен считает, что представители креативного класса обрели свое место в социальной системе и оформились как прекариат, или «художественное множество», лишенное единства и целей, стабильного финансового положения и социального статуса, но способное создавать моду на свободный образ жизни, независимость во взглядах и проектную деятельность как универсальную бизнес-модель. В глобализированном мире искусства с гипермобильностью людей, денег, товаров и информации художники и кураторы отказались от музеев и биеннале как институций, обеспечивающих единственное место (сцену) для самовыражения в пользу виртуальной среды и социальных сетей. Поэтому влияние «репрессивного либерализма» распространилось на художественную автономию и связи, выстраивая стратегии биополитического принуждения и контроля за счет организации процессов нематериального труда и объединения искусства, этики и демократии [13].

Альтернативной стратегией можно считать борьбу за экономические и трудовые права креативных сообществ, повышение их политического самосознания и включения в практики арт-активизма. В условиях набирающей все большую популярность монолитной парадигмы рыночного капитализма П. Гилен считает необходимым сформировать автономное интеллектуальное пространство и образовательную среду, где основным критерием оценки могли бы стать отдача от приложенных усилий и самоорганизация представителей художественного сообщества. В схожем ключе выступает и А. Негри, который упрекает «Манифест акселерационистской политики» в излишне оптимистической оценке возможностей развития техносоциальных систем, однако видит значительный потенциал в дальнейшей разработке идеи социальной кооперации и создании организаций нового типа, избегающих модели диктатуры пролетариата или горизонтально-сетевой демократии. Такие меры означают создание интеллектуальной инфраструктуры, каналов коммуникации и классовых институтов, способных конструировать образы будущего, не впадая при этом в футуристические иллюзии [12].

Далее обратимся к техномистицизму, который выступает как одно из концептуальных направлений современной цифровой идеологии и связан с древнейшими мифопоэтическими и религиозно-философскими традициями на основе представлений о глубинном духовном единстве информационно-коммуникационных технологий и техники и человека путем объединяющих их сверхъестественных сил. В рамках техномистицизма считается, что новейшие информационные технологии и новые медиа (особенно компьютеры, интернет и виртуальная реальность) позволяют выявить скрытые в человеке сверхчувственные способности, стимулируя видения, озарения, инсайты и даже, в более радикальной версии, ясновидение, экстрасенсорную левитацию и прочее, в обычном состоянии никак себя не проявляющие, но раскрывающиеся в полной мере лишь под воздействием интенсивного обмена информацией и энергетическими импульсами с различными техническими устройствами [14].

Отдельными версиями техномистицизма выступают техношаманизм, кибергностицизм, цифровой оккультизм, модифицированные варианты *new age*, трансперсональной психологии и т. п. Канонический корпус текстов техномистицизма, претендующих в глазах их адептов на статус едва ли не сакральных, сложился на основе работы У. Берроуза «Электронная революция», Э. Дэвиса «Техногнозис», К. Беккера «Словарь тактической реальности», Дж. Зерзана «Первобытный человек будущего», А. Уилсона «Прометей восставший» и др. Особую роль в становлении и развитии идей техномистицизма сыграли контркультурные движения хиппи и битников, концептуальные откровения психоделической революции 1960-х гг., киберпанк 1980-х гг. и научной фантастики в целом, которая в поисках новых возможностей обратилась к творческим ресурсам жанра фэнтези и почерпнула из него множество сюжетов и образов, объединив идеи магии с новейшими технологиями, что нашло отражение в творчестве таких писателей – представителей новой волны, как Р. Желязны, Ф. Дик, С. Дилэни, Ф. Саберхаген, Г. Гаррисон, в художественных кинофильмах «Трон», «Бегущий по лезвию бритвы», «Матрица», «Газонокосильщик», «Экзистенция», «Нирвана», «Клетка», «Начало» и др.

Идейно-концептуальные противоречия между архаическими религиозно-мифологическими представлениями и научным познанием, лежащим в основе технического прогресса, снимаются в техномистицизме за счет трансформации идей о метафизической сущности и природе человека в рамках синергетики, трансперсональной психологии и футурологии, осуществивших синтез научных, религиозных и философских взглядов. В таком ра-

курсе развитие технологий, начиная с телеграфа, телефона и телевидения, неизбежно ведет к техносинтезу человека и машины, пробуждая в нем способности к телепатии, телекинезу, телепортации в некоем отдаленном будущем, в «точке Омега» (Т. де Шарден), где творческий потенциал ноосферы под влиянием человеческого разума объединится с органическими силами природы, чтобы проявить себя в полной мере, открыв возможности перехода в новое эволюционное состояние – от человека к сверхчеловеку.

Представители техномистицизма, такие как американский исследователь и медиакритик Э. Дэвис, считают, что информационные технологии по своей природе являются технокультурными гибридами. Это специально созданные устройства и механизмы, которые придумываются, изготавливаются и используются с определенной целью, но осуществляют нечто такое, что не имеет отношения к принципам техники. Они преодолевают свой предметный статус просто потому, что позволяют кодировать и транслировать такие бестелесные реальности, как разум и смысл. При этом материальная и техническая структура медиа накладывает на процесс коммуникации формальные ограничения, а ее непосредственность бросает им вызов, поскольку коммуникативный акт происходит между сознаниями, упакованными в «конверт» информационных потоков, передающих смыслы, образы и информацию. Создавая новый интерфейс между *Я*, *Другим* и внешним миром, медиатеchnологии сами становятся «строительными блоками» и элементами системы интерпретации мира, что позволяет считать их фундаментом процесса социального конструирования реальности [15].

По мнению техномистиков, наиболее значимые социальные конструкции исторически воплощались в области религиозного воображения – анимистическом мире природной магии, ритуализованных социальных нарративах и мифологиях, этических началах мировых религий и т. д. Духовные представления и практики неизбежно находили свое отображение и в средствах коммуникации в их историческом развитии от иероглифов и печатной книги до радио и компьютерных сетей. При этом психологическая динамика техномистицизма предстает в ключевом и вполне традиционном различии между духом и душой, которые реализуются в истории технологий как два метода передачи информации – аналоговый и цифровой.

Это можно проиллюстрировать на примере технологии записи и воспроизведения звука посредством виниловой грампластинки и компакт-диска. Пластинки испещрены непрерывными физическими дорожками, которые имитируют и репрезентируют звуковые волны, вибрирующие в воз-

духе. В то же время компакт-диски «нарезают» эти волны на отдельные биты и семплируют их. Эти цифровые единицы данных представлены в виде крошечных канавок, которые считываются и выстраиваются в последовательный ряд в стереопроекторе. Аналоговый ряд соответствует мелодии души – теплой, волнообразной, полной «потертостей и царапин» материальной истории. Цифровой же мир воплощает холодную «матрицу духа» – мерцающую, абстрактную, представляющую собой, скорее, абстрактный код, нежели телесную реальность. «Аналоговая душа» задействует отношения между вещами, цифровой дух «делит мир на прах и информацию» [15, с. 19]. На основе этого противопоставления адепты техномистицизма прослеживают его главные течения от древнейшей истории до современных технологий, утверждая, что киберкультуру подсознательно питают

образы и импульсы, глубоко укорененные в духовной практике.

Таким образом, указанные версии будущего в представленных идеологических концепциях строятся как возможные модификации традиционных представлений о будущем с точки зрения его взаимосвязей с прошлым и настоящим. Техника и технологическое развитие становятся отправной точкой для выявления особенностей будущего в ретрофутуризме, призывов к преодолению настоящего в акселерационизме, а также реанимации архаических воззрений в техномистицизме. Какое из данных направлений окажется наиболее востребованным в дальнейшем, предсказать трудно, особенно с учетом курьезности любых предсказаний. Поэтому ограничимся лишь указанием на то, что необходимо комплексно понимать представленные идеи в их взаимном дополнении друг друга.

Библиографические ссылки

1. Макаренко ВП. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. Москва: Праксис; 2005. 368 с.
2. Степанов ЮС. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект; 2001. 991 с.
3. Гусев СС, Голдберг ФИ, Симонов АИ. Концептуальный каркас [Интернет; процитировано 22 января 2020 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/concepts/7133>.
4. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс; 1989. 616 с.
5. Бестужев-Лада ИВ. Обязательное предисловие. В: Бестужев-Лада ИВ. *Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи*. Москва: Academia; 2000. с. 6–22.
6. Дери М. *Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков*. Екатеринбург: Ультра.Культура; 2008. 478 с.
7. Иноземцев ВЛ. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире. В: Иноземцев ВЛ, редактор. *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Москва: Academia; 1999. с. 3–64.
8. Гуревич ПС. Закономерности и социальные перспективы научно-технического прогресса. В: Гуревич ПС, редактор. *Новая технократическая волна на Западе*. Москва: Прогресс; 1988. с. 3–30.
9. Реgev Й. *Diss-on-Land. Logos*. 2018;28(2):139–158.
10. Уильямс А, Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики. *Logos*. 2018;28(2):7–20.
11. Аванесян А. Назад из будущего: ориентации акселерации. *Logos*. 2018;28(2):1–6.
12. Negri A. Reflections on the manifesto. In: Mackay R, Avanesian A, editors. *#ACCELERATE: the accelerationist reader*. Falmouth: Urbanomic; 2014. p. 363–378.
13. Гилен П. *Борьбование художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм*. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2015. 288 с.
14. Беккер К. *Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль*. Москва: Ультра. Культура; 2004. 212 с.
15. Дэвис Э. *Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху*. Москва: Ультра.Культура; 2008. 480 с.

References

1. Makarenko VP. *Politicheskaya kontseptologiya: obzor povestki dnya* [Political conceptology: review of the agenda]. Moscow: Praxis; 2005. 368 p. Russian.
2. Stepanov YuS. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2001. 991 p. Russian.
3. Gusev SS, Goldberg FI, Simonov AI. Conceptual framework [Internet; cited 2020 January 22]. Available from: <https://gtmarket.ru/concepts/7133>. Russian.
4. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress; 1989. 616 p. Russian.
5. Bestuzhev-Lada IV. [Mandatory preface]. In: Bestuzhev-Lada IV. *Vperedu XXI vek: perspektivy, prognozy, futurologi* [Ahead of the 21st century: prospects, forecasts, futurologists]. Moscow: Academia; 2000. p. 6–22. Russian.
6. Dery M. *Escape velocity: cyberculture at the end of the century*. New-York: Grove Press; 1996. Russian edition: Dery M. *Skorost' ubeganiya: kiberkul'tura na rubezhe vekov* [Escape velocity: cyber culture and the end of the century]. Ekaterinburg: Ultra.Kul'tura; 2008. 478 p. Russian.
7. Inozemtsev VL. [Prospects for postindustrial theory in a changing world]. In: Inozemtsev VL, editor. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New postindustrial wave in the West]. Moscow: Academia; 1999. p. 3–64. Russian.
8. Gurevich PS. [Patterns and social prospects of scientific and technological progress]. In: Gurevich PS, editor. *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow: Progress; 1988. p. 3–30. Russian.
9. Regev J. [Diss-on-Land]. *Logos*. 2018;28(2):139–158.

10. Williams A, Srnicek N. #Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics. *#ACCELERATE: the accelerationist reader*. Falmouth: Urbanomic; 2014. p. 347–362.
Russian edition: Williams A, Srnicek N. [Manifest of accelerationism]. *Logos*. 2018;28(2):7–20. Russian.
11. Avanesyan A. [Back from the future: acceleration orientations]. *Logos*. 2018;28(2):1–6. Russian.
12. Negri A. Reflections on the manifesto. In: Mackay K, Avanesian A, editors. *#ACCELERATE: the accelerationist reader*. Falmouth: Urbanomic; 2014. p. 363–378.
13. Gilen P. *Bormotanie khudozhestvennogo mnozhestva. Global'noe iskusstvo, politika i postfordizm* [Mumble of art set. Global art, politics and postfordism]. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 288 p. Russian.
14. Bekker K. *Slovar' takticheskoi real'nosti. Kul'turnaya intelligentsiya i sotsial'nyi kontrol'* [Dictionary of tactical reality. Cultural intelligentsia and social control]. Moscow: Ul'tra.Kul'tura; 2004. 212 p. Russian.
15. Davis E. *TechGnosis: myth, magic, and mysticism in the age of information*. New-York: Harmony Books; 1998.
Russian edition: Davis E. *Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu* [TechGnosis: myth, magic, and mysticism in the age of information]. Moscow: Ultra.Kultura; 2008. 480 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2020.
Received by editorial board 27.01.2020.